

ПЛОХОЙ ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Джурна Тот

Джулия Тот

Плохой хороший день (сборник)

«Издательские решения»

2015

Тот Д.

Плохой хороший день (сборник) / Д. Тот — «Издательские решения», 2015

Плохой хороший день есть в жизни каждого... стихи и рассказы, собранные автором в одну книгу были написаны с целью одной – помочь каждому помнить, что не одинок, что души прочие полны тех же чувств, – помочь выжить...

© Тот Д., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Поэма старого рояля	6
Синева	8
«Мои мысли пылятся на полках...»	9
«Скользок глянец жизни, надоедлив, —...»	10
«Все люди говорят на разных языках...»	11
«Что может быть прекраснее...»	12
Больничное...	13
«Красно-банальным – розы в саду —...»	14
Ночное	15
Хлюпая лужами	16
Неправильный рассвет	17
Паутина	18
«Ветер африканской рыжей пылью...»	19
Ты говорил...	20
«Не подрезай мне крылья: я хочу летать...»	21
«На проводах – на бесконечном нотном стане...»	22
«Опять, от мира спрятаться пытаюсь...»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Плохой хороший день

Джулия Тот

© Джулия Тот, 2015

© Argyris Diamantis, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Всё не то, чем кажется и не наоборот.

Конфуций

Поэма старого рояля

«Не плачь, – я расскажу тебе историю мою» —
шептал тихонько старенький рояль кларнету,
который так старался утаить непонимания слезу:
за что его закрыли в темноту, где прячут люди
прошлое свое от света..
А прошлое чужое изо всех углов
смотрело на него печально:
ненужной лампой, стопкой книг в углу и..
пыльной крышкой старого рояля..
Рояль вздохнул, жалея новичка,
и желтым рядом клавиш улыбнулся:
он знал, как тяжело попасть сюда и осознать —
в былое не вернуться..
Он тихо начал свой рассказ,
перебирая клавиши фальшиво:
«Уж много лет, как нет им дела до меня —
зачем настраивать рояль, лишенный
жизни, сцены, света...
В дни молодые новизны моей
был уникален звуком я, – любимый всеми —
определен на службу в «оперу – балет»,
признание сыскал в капризах известном
музыкальном мире..
Не начинали без меня гастролей
известнейшие дивы, голоса, которым
поклонялись миллионы, —
боготворили звук мой и меня...
Объехал с ними мир я весь – такой чудесный,
такой волшебный музыкой моей,
не думая, что есть ему предел,.. —
когда, однажды, трещину во мне пробрили,
остановив полет успешный,
и изменив весь жизненный удел...
Дня два директор – с грустью —
прощаясь на меня смотрел,
потом, собрав всю труппу вместе,
свое решение открыл, —
представив сцене нового героя —
замену мне, как всем – всегда, нашли в часы..
меня, тем временем, грузили, отправляя в школу,
чтобы детей там музыке учил..
Учителя судьба, порой, нещадна:
не только в час уроков, но и в перерыв —
малюсенькие дарования —
внезапно крышкой грохнув —

часто, пытались наиграть мотив,
по клавишам стуча так беспощадно,
напоминали мне – жизнь прошлая моя
теперь всего лишь миф, забытый всеми,
с финалом грустым сказка про меня...
А дни всё шли – текли недели...
Жалеть себя порядком я устал,
Когда – как каждый день —
Малюсенькие дарованья налетели и
радостно по клавишам моим стуча,
пытаясь оттолкнуть друг друга,
счастливо напевая, хохоча,
заставили забыть меня о прошлом,
понять, что счастлив должен быть и я, —
что мне доверили их страсть к искусству,
их души крошечные, – музыку любя, —
оберегать от фальши и безвкусных
мотивов, коими полна земля...
Так я сумел прижиться в школе
на годы многие: успехами детей
был счастлив, не коря судьбу,
по чьей капризной воле
был послан тем,
кому был нужен больше всех..
Все также дни бежали и текли недели:
изменчив мир – все знают, но —
не ожидая перемен, —
так наступил и день, в который
школу музыки закрыли,
меня сюда определив – на вечное бездействие,
и жизнь воспоминаниями – словно,
в мавзолей...» —
Рояль задумчиво умолк,
последней нотой в ненастроенном
мажоре улыбаясь —
в былые дни, ушедшее, своё, —
а по углам чужое прошлое шуршало —
забытой лампой, стопкой книг, – оно
уже наперебой мечтало
узнать историю кларнета, жизнь его...
Кларнет, забыв про слезы и обиды,
сверкая всем, что пережил,
приняв свой новый мир воспоминаний —
был счастлив искренне,
судьбу свою тихонько напевая...
ненужной лампе, стопке книг в углу и..
пыльной крышке старого рояля...

Синева

Синим сияют горы, тлеет черным обрыв,
Дорога выносит к морю, созданному для двоих..
Виной судьбы – ее ошибкой, —
сегодня эти двое – мы,
Пытаемся найти ответ на страхи наши
В белесой глубине волны..
Волна нас оставляет без ответа, и —
вынуждает доверять
Друг другу – в этот день...
Что завтра будет ... будут синим горы сиять
И темным тлеть обрыв,
Дорога нас предаст – закрыв от моря,
Но, может быть, подарит счастье быть:
Друг другу дорогими, близкими, – любить..
И не забыть тот день, когда молчанье моря
Заставило друг другу доверять,
Не слыша слов – лишь теплотой руки и —
взглядом – понять...
Что день, когда дорога привела
к обрыву, и к морю
Будем мы хранить, и чтить —
как день наш первый вместе,
И каждый год – ту синеву благодарить...

«Мои мысли пылятся на полках...»

Мои мысли пылятся на полках
Не встреченных мною людей..
Мои чувства потеряны временем и тем,
Кто уже не любим..
Так пусто все и грусть кусает душу,
Но запах марта, вдруг ворвавшись в дом,
Предаст несчастья и о радости напомним,
Согреет эфирно-нового лучем...
Забуду о холодном и ненужном,
Жалеть устав и мысли пыльные,
И чувства не попад,
Все ставни распахнув, позволю марту
Все изменить и сызнова начать...

«Скользок глянец жизни, надоедлив, —...»

Скользок глянец жизни, надоедлив, —
И изгнано благополучие опять:
И снова – чашка кофе, стул пустой – напротив,
На третьем – кошка,
что мурлычит невпопад уютом да теплом
Несуществующе – домашним...
Ну почему так грустно-утомительно тепло,
Что призываем в жизнь и дни свои годами,-
В секунду утомляет и уже —
мы в мыслях чемоданы собираем
С намереньем покинуть наш приют очередной,
Где – может быть нас кто-то все же – любит...
Но не нужна любовь, что – без восторга,
И кофе, и улыбка поутру, – и тот,
присутствием умильным кто уже нас губит, —
кто не желает раствориться на ветру,
пропасть, оставить нас начать сначала,
мурлыкать с кошкой будущего лень,
растягивая дни, фантазией обмана
жить, как нам верится сейчас,
в секунду эту, в этот день...
Как скользок глянец жизни, надоедлив,
Как невозможно жизнь прожить все время —
с видом на закат,
как надоела кошка, что мурлычит мотив
один и тот же: дом мой, сад...

«Все люди говорят на разных языках...»

Все люди говорят на разных языках:
У одного душа поет, а у кого-то – плачет...
Не разбирая: кто в ней прав, кто – виноват,
Все знаем глупость: жизнь потом покажет..
Но жизнь, порой, – забывчива и вот:
На пьедестал возвышена бездарность —
Что плачем заставляла небосвод
Благоволить, жалеть и славить...
Поющий же, сменив мелодию на грусть,
Продолжил скромную тропинку, но – без злости
На жизнь, чужие славу иль любовь, —
Не обвиняя плачущих в подвохах,
А просто – говоря на языке своем,
Прощая песенкой судьбы – нелепых,
Тихонько улыбаясь и в улыбке той,
Скрывая счастье – от содеянных ошибок...

«Что может быть прекраснее...»

Что может быть прекраснее
любимых глаз напротив..
Что бьет сильнее – грусть увидеть в них,
И так нечаянно – понять, что – всё...
Любовь сменяя,
усталость брэнная лишь тлеет на двоих..
И верите уже, что завтра – все начав сначала —
ах, понедельник, – обещаний полон он, —
сумеете простить любовь и холод,
боль от потери новой и разлук..

Больничное...

Наполнен болью коридор больничный,
В руке мусоля камешек морской,
Молюсь Богам мне не известным
О тех, кто мне совсем чужой..
Наполнен страхом коридор больничный:
Он тихо бродит от лица к лицу,
От жизни к жизни, их уничтожая, и
Превращая в безнадежности слезу...
Надежды место здесь пустоует,
Улыбка – неуместный атрибут,
Все, кто сегодня здесь – о жизни «до» тоскуют,
Не зная, возвратятся ли в нее...
Наполнен болью коридор больничный...
В руке мусоля камешек морской,
Молюсь за всех людей, мне близких:
Чтобы никто из них не оказался в нем...

«Красно-банальным – розы в саду —...»

Красно-банальным – розы в саду —
Конец весны, всё – в ожиданье лета..
Зеленость листьев, снова – птицы поутру,
Всё оживает..только я не вижу света...
Я вижу только пыль, что покрывает всё,
Жар солнца – через месяц, что испепеляет,
Из года в год – рассвет – закат – рассвет,
Людей, которых в жизнь свою впускаю...
Они приходят, затмевая солнце,
Уходят – словно мрак ночной,
Одни – бесследно исчезая сном рассветным,
Другие – наследив изрядно в нем...
Рассвет – закат – рассвет —
прощение – разлука, —
Все, как всегда: после восторга – грязь..
Ах, люди, люди, как же вы забыли,
Всё, для чего все созданы мы были,
И для чего нам стоит жить и стоит умирать...
Конец весны, всё – в ожиданье лета, —
В надежде, что быть может, в этот раз оно
Подарит нам тепло – не только солнечного света,
но и – сердец друзей, и искренности глаз...

Ночное

Тихо, звездами шурша, ночь спускалась не спеша,
по невидимым ступенькам облаков...
роняя тени пережитого за день:
на людей, их тропы-грезы
стройно-тоненькой березой,
строчку Млечного пути
в мир пыталась довести...
Кто-то плакал в нем, молился,
кто – то – спал счастливым сном,
кто – то – только что родился, —
все играло чередом своим земным —
мыслей ночи не читая, звездных букв не разбирая
в строчке Млечного пути не пытаюсь
смысл найти...
Ночь тихонечко всплакнула,
уронив слезой звезду,
Подарив мечту землянам и весеннюю росу,
И обратно повернула:
«Не нужна я никому», – тихо, звездами шурша,
прошептала, не спеша пряча их, и —
пропадая – к тем, другим, —
где – возможно – прочитают строчку,
что подарит им...

Хлюпая лужами

Хлюпая лужами, плачущий город
куда-то спешит миллионом зонтов,
пряча под ними боль расставаний,
надежду любви, обиды, испуг...
Город, пытаясь безликостью серой
добро и зло замкнуть в единый круг,
закручивает ветром неудачи, счастье —
нам сил не оставляя думать ни о чем:
лишь выбежать из слез его желаем,
и снова оказаться в солнечном тепле,
порой, и вовсе забывая, зачем мы оказались
в городе, в дожде...
Зачем бежим – цветным зонтом маяча,
не позволяя ветру отобрать его,
по лужам шлепая, и под фонтаны брызг
внезапно попадая – так, словно веря:
он способен защитить всех нас и от всего...
Но, потеряв защитника цветного,
что ветер, наизнанку вывернув, сломал,
мы перестанем вдруг винить во всем
судьбу слепую:
«Во всем рыдающий и слабый город виноват...»

Неправильный рассвет

День начался неправильным рассветом:
без пурпура, романтики и грез,
себя украсив парой облаков
да серым блеклым светом,
он просто наступил, как сотни, тысячи и-
миллионы – до него...
Он спрятаться пытался в нашей жизни
среди других – таких же будних дней,
ничем не отличимых друг от друга,
но потерпел фиаско: жить судьбой своей
он начал с неудачного рассвета,
продолжил, нам друг друга подарив,
открыл все то, что мы уже любить забыли —
орущих птиц,
деревья, бьющиеся на ветру,
дожди...
Напомнил серый день,
сколь серость может быть прекрасной,
если вдыхать и поглощать ее вдвоем,
что кофе аромат иной,
когда не одинокой чашкой, —
сплетеньем рук накрыт холодным утром стол...
Начавшийся неправильным рассветом,
обычный день вернул нам нас..самих,
в ладонях принесся забытое простое:
и серый мир прекрасен, коль не одиноки мы...
Тот день, что начался неправильным рассветом...

Паутина

Ненужной пылью по углам ложилось
всё то, что в жизни не сбылось,
и, заполняя старый неуютный дом все больше,
рассказы паутинами плело..
Несбывшееся, – жалуясь, стонало:
о брошенных мечтах и тех, кто в этом виноват,
закрытых ставен полумраком защищая
ранимой паутины тонкий стан...
Весенний ветер бойкий, налетев на старость дома
в секунду пыльный мир его сломал:
сорвал он ставни и позволил солнцу
ворваться в пыльный мир утрат...
Поднявшись капельками,
пыль зазолотилась в свете,
что в склеп мечты так неожиданно проник,
и все несбывшееся – вдруг преобразившись,
растаяло...
Метаморфозу наблюдая старец, что в склепе жил,
никак не мог понять: зачем он столько лет,
за ставнями скрывая,
копил несбывшегося паутины вязь,
зачем не открывал дорогу свету мира,
и не пытался что-то изменить,
лишь по углам копил погасшие удачи,
любовь, надежды, – превратившиеся в пыль...
Он улыбнулся:
«Пусть и стар, он все начнет сначала,
не будет больше пыли по углам, —
ведь все теперь сбываться будет,
а что и нет...» – он улыбнулся снова:
«Пусть будет так: оно не нужно нам»...

«Ветер африканской рыжей пылью...»

The art of losing isn't hard to master...
«One Art» *Elisabeth Bishop*

Ветер африканской рыжей пылью
счастье мне однажды принесет...,
а, когда в него почти поверю, —
снова потемнеет небосвод
и размытыми дождливыми лучами
счастья рыжие частички украдет,
разнеся их по одной по миру,
так, что воедино не собрать,
и, — картинку мной придуманного счастья
станет не на чем и нечем рисовать..
Я вздохну тихонько, прокляну погоду,
непогодой обозвав ее в сердцах,
и продолжу жизнь, как мне былОсь
до ветра с африканской пылью,
только — с недоверием в глазах...

Ты говорил...

Ты говорил: я слишком несерьезна,
и утомляю вечной слов игрой,
и что нельзя так долго любоваться
на птицей недовитое гнездо...
Ты говорил: не тем я верю,
что не научена людей я выбирать,
при этом забывая – в листе негожих – о себе,
что первым был, кому я стала доверять...
Ты говорил, что в жизни все иначе,
не так, как верю я и как живу,
и – забывал опять,
что нарекла тебя я жизни этой частью,
той самой, для которой – верилось – дышу..
Но было ни к чему тебе мое дыхание,
слова мои и брошенные гнезда птиц:
тебе неважно было чем живу, кому я верю —
ты не хотел о кружевами сложном —
хотел обычным жить и —
о простом ты – просто говорить...

«Не подрезай мне крылья: я хочу летать...»

Не подрезай мне крылья: я хочу летать...,
и, пусть о глупостях – по – твоему – мечтать...
Летать – не значит улететь, предав..
Полёт – ведь лишь свобода глупости свершать
и радостно от счастья уставать...
Не подрезай мне крылья: их ведь не вернуть.., —
как не вернуть потом того, что между нами было:
пойми, тебе я стану не нужна —
летать не смеющая,
в чувстве спящая, которое остыло...

«На проводах – на бесконечном нотном стане...»

На проводах – на бесконечном нотном стане,
в час предвечерия, на фоне синих гор
уселся голубь и воркует новости —
всему и всем, что видимо вокруг..
Ему и невдомек, что языка его не понимает
ни самолет, что, словно падая, парит,
след бело-облачный роняя,
ни – кипарисы, что стремятся вверх,
ни – я, кто приютившись в уголке балкона,
боюсь и чашечку от блюдца приподнять —
спугнуть о дне мирском воркующую птицу,
и – новостей секретных не узнать...

«Опять, от мира спрятаться пытаюсь...»

Опять, от мира спрятаться пытаюсь,
Свою ракушку с грохотом захлопнув, пропаду..
От лицемерия и от любви, что лжива,
В гостиницу убогую уйду:
Там незнакомы все и вежливо – поддельны,
Меня лица-маски каждый день,
Не вынуждают ни вымучивать улыбку,
Ни принимать за человека тень..
Мы здесь безлики и меняемся местами,
Всего на день-на два мы делим кров,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.